

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИЙ НА ЗАПАДЕ

*В. Н. Ерохин***РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
В ПРОИСХОЖДЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В статье рассматриваются взаимосвязь и тесное переплетение вопросов религии и политики в происхождении Английской революции середины XVII в. Автор раскрывает связь и взаимодействие принципиальных тенденций в религиозно-политической истории Англии XVI — начала XVII в., конкретных обстоятельств и содержания политической борьбы между парламентской оппозицией и королевской властью в предреволюционные десятилетия XVII в., а также влияние непосредственных поводов к началу революции, происходивших из религиозной сферы.

В статье показано, что фундаментальные основания для революционных событий в Англии середины XVII в. связаны с влиянием Реформации, которое повлекло за собой активизацию общественно-политической жизни и рост политического влияния парламента. Постепенное укоренение протестантизма в реформационный период в истории Англии вело к гораздо более активному участию широкого круга людей в общественной и политической жизни. Обсуждение религиозной проблематики превратилось в предреволюционной Англии в постоянную тему буквально каждого из составов парламента, собираемых королевской властью. Депутаты парламента в религиозной форме осмысливали и многие другие проблемы общественной жизни, но важнейшей составной частью религиозно-политической борьбы в Англии в предреволюционный период оставались поддержание реформированной религии и защита от покушений на возможность ее исповедания в качестве части народных свобод. Как отмечается в статье, обострение религиозно-политической ситуации в Англии относится ко второй половине 1620-х — 1630-м годам. Автор статьи приводит целый ряд аргументов, показывающих, что оппозиция усматривала в политике короля Карла I Стюарта (1625–1649) и проводимой с одобрения монарха архиепископом Кентерберийским Уильямом Лодом (1633–1645) церковно-административной политике угрозу сохранению в стране протестантской религии. По мнению автора, парламентская оппозиция королевской власти перешла к революционным методам действия в начале 1640-х годов именно под влиянием религиозной по происхождению убежденности в своей правоте. Библиогр. 45 назв.

Ключевые слова: Английская революция середины XVII в., кальвинизм, пуританизм, причины Английской революции, религиозный фактор.

Для цитирования: Ерохин В. Н. Религиозный фактор в происхождении Английской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 560–576. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.308

Ерохин Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Лево-Булачная, 44; erohin_vladimir@inbox.ru

Yerokhin Vladimir Nikolaevich — Doctor in History, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, 44, Levo-Bulachnaya str., Kazan, 420008, Russian Federation; erohin_vladimir@inbox.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE ORIGIN OF THE ENGLISH REVOLUTION

The article deals with interconnection and close interlacing of religious and political issues in the origin of the English Revolution. The author of the article shows the connections and interactions between principal trends in English religious and political history in 16th and early 17th centuries. We also examine the particular circumstances and the content of the political struggle between parliamentary opposition and royal power during pre-revolutionary decades of 17th century, as well as the influence of immediate pretexts arising from religious sphere for the beginning of the English Revolution.

The principal foundations for the revolutionary events of mid-17th century England are bound together with the influence of religious Reformation. The gradual root-taking of Protestantism in England led to much more active participation of more broad circles of people in social and political life. Discussions of religious questions became the constant theme of proceedings of literally every Parliament. The most important component of religious and political struggle in pre-revolutionary England was the maintenance of reformed religion and defense from encroaching on it as a part of popular freedom. The aggravation of the religious and political situation in England began in the second half of 1620s and 1630s. A whole series of proofs demonstrates that during these years the Parliamentary opposition saw the threat to preservation of Protestant religion in England in the policy pursued by the ruling monarch Charles I Stuart (1625–1649), and in the actions of church administration as led by William Laud (1633–1645), Archbishop of Canterbury, who ruled in church's affairs upon the monarch's approval. Parliamentary opposition to royal power resorted to revolutionary methods of action in the early 1640s and were moved by precisely religious assurance in Parliament's rightness. Refs 45.

Keywords: English Revolution of mid-17th century, Calvinism, Puritanism, causes of English Revolution, religious factor.

For citation: Yerokhin V.N. The Religious factor in the origin of the English Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 560–576. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.308

Революционная эпоха в истории Англии середины XVII в. отличается теснейшей связью вопросов религии и политики, отразившейся как в происходивших событиях, так и в сознании современников. Причины Английской революции являются предметом дебатов многих поколений историков, до сих пор осмысливающих то, как разные аспекты событий первых десятилетий XVII в. обусловили возникновение столь острого социального конфликта, что в последующем британская элита стремилась ничего подобного не допустить.

На необходимость более глубокого прояснения влияния религиозного фактора в происхождении Английской революции указывает и тот фундаментальный факт, что в ходе развернувшегося с начала 1640-х годов конфликта короля с парламентом 10 января 1645 г., на четыре года ранее, чем был обезглавлен правивший в стране монарх Карл I Стюарт (1625–1649), был казнен архиепископ Кентерберийский Уильям Лод (1633–1645). При этом казнь верховного церковного иерарха и предшествовавший ей суд, организованный парламентом, не были лишь каким-то эмоциональным всплеском в действиях участников революционных событий. Они ярко свидетельствовали о тесном переплетении вопросов религии и политики в сознании современников. Англичане того времени видели значимость религиозного фактора в происхождении революционных событий и в отличие от последующих поколений тех, кто пытался их осмыслить, не спорили, а предпринимали весьма радикальные по характеру действия в отношении лиц и церковных институтов, которые рассматривались ими как препятствующие осуществлению народных и религиозных свобод.

Вопрос о степени влияния религиозных споров на происхождение Английской революции стал проблематичным уже в эпоху Просвещения и был даже не совсем понятен уже англичанам XVIII в., тем более историкам последующих поколений. Стали высказываться предположения, что участники событий в религиозной форме, на языке, более привычном для мышления XVII в., выразили необходимость решения радикальным путем других, нерелигиозных общественных проблем, а споры об особенностях религиозной обрядности были лишь внешним антуражем. Но были также исследователи, напоминавшие, по сути дела, о необходимости следовать при рассмотрении данного вопроса принципу историзма. Как писал об английской политической жизни предреволюционных десятилетий XVII в. известный современный британский историк Х. Р. Тревор-Роупер (1914–2003), тогда «религия была также аспектом политики — внешним символом, паролем, под которым были известны политические группировки. Нам кажется непонятным, как можно было так яростно бороться и дискутировать по вопросу о том, следует ли кланяться в церкви, или о том, где должен находиться стол для причастия, но ведь символическая сторона полностью не ушла и из современной жизни, и нашим потомкам тоже, может быть, трудно понять, почему накануне Второй мировой войны вызывали страсти, например, цвет рубашки, форма приветствия, изображение мелом на стене каких-то символов, и это даже привело к насилию и большой войне» [Trevor-Roper 1988, p. 2–3]. Дебаты по вопросу о степени влияния религиозного фактора на происхождение Английской революции среди историков и к настоящему времени далеко не закончились. Но произошедшая в революционные годы расправа над главным церковным иерархом с непосредственной наглядностью подчеркивает, что для участников событий Английской революции религиозные вопросы были в центре внимания. Следовательно, для лучшего понимания этой эпохи надо понять ее язык, символику, волновавшие современников религиозные проблемы. Современный мир на рубеже XX–XXI в., справивший, говоря словами Дж. Грея, «поминки по Просвещению», стал постсекулярным: стремление к рациональной аргументации в морали и политике перестает быть безусловно признаваемым «ориентиром и достоинством» [Grey 2007]. Религиозный фактор сейчас в разных регионах мира во многих отношениях снова более активно влияет на общественную жизнь: религия еще напомнит о себе нашим современникам.

В течение долгого времени продолжают также споры о том, как в истории Англии называть события середины XVII в. Обострение отношений между монархом и парламентом, вступление в вооруженную политическую борьбу в стране небывало широкого по сравнению с более ранним прошлым круга представителей разных политических сил и социальных групп осмысливались и концептуализировались современниками-историками под разными названиями. Предлагавшиеся термины («Великий мятеж», «гражданская война», «революция») отражают и реальные характеристики хода развития событий, и разные идейно-политические и методологические подходы в понимании происходившего. С разного рода оговорками в современной британской исторической науке среди большинства исследователей данного периода все же утвердилось использование понятия «Английская революция», хотя некоторые авторитетные специалисты, много сделавшие для изучения этого времени, в вопросе об использовании тех или иных понятий так и остались при своем мнении, отличном от преобладающих взглядов. В частности, по словам

консервативного представителя социальной истории П. Ласлетта (1915–2001), «такого комплекса событий, как английская революция середины XVII века, вообще не существовало» [Laslett 1984, p. 206–209]. Лишь историки последующих поколений обобщили, используя понятие «революция», целый ряд событий английской истории середины XVII в., разворачивавшихся в течение длительного времени. Как представлялось П. Ласлетту, революция — это понятие, появившееся в лексиконе английских историков в XIX в., а применительно к событиям XVII в. «понятию социальной революции нет места» в анализе того, что происходило в английской политической жизни раннего Нового времени. В этом полемически заостренном утверждении П. Ласлетта, как думается, сплелись и политический консерватизм, и влияние характерной для английской интеллектуальной культуры номиналистской познавательной традиции в неопозитивистском обличье, приверженность которой характерна для консервативных британских историков. Призывая ориентироваться на факты, они требуют избегать использования недостаточно основательных обобщений, не подкрепленных фактическими основами понятий. В утверждении П. Ласлетта о том, что понятие «революция» утвердилось в английском лексиконе только с XIX в., есть, конечно, и откровенная фактическая неточность. Это понятие, хотя и применительно к другому событию — свержению короля Якова II Стюарта (1685–1688), было введено в оборот сразу же вслед за сменой монарха на престоле. Установлено, что понятие «Славная революция» впервые стал употреблять в конце 1689 г. депутат парламента Джон Гемпден (1653–1696). Он был внуком того Джона Гемпдена (1595–1643), которого в 1637 г. судили за отказ от уплаты «корабельных денег» [Schwoerer 2004, p. 3]. Но терминологические споры о названии радикального по характеру и содержанию отрезка английской истории середины XVII в., в том числе и позиция П. Ласлетта, как думается, отражают и реальные сложности в интерпретации содержания и значения происходивших в это время в общественной жизни событий. Их консервативная оценка по-прежнему присутствует в британской исторической науке.

В марксистской интерпретации революционный характер событий середины XVII в. связывается в первую очередь с тем, что в ходе гражданской войны изменились правовые основы отношений собственности в стране. Отмена рыцарского держания парламентом 24 февраля 1646 г. определила правовые основания для установления свободной, буржуазной по характеру, собственности на землю. Землевладельцы-лорды и фригольдеры получили владельческие права, а права копигольдеров на землю оказались непризнанными. Но современные британские исследователи по-прежнему не обращают должного внимания на изменение правового статуса земельной собственности, а сосредоточивают свои усилия, поскольку обсуждается возможность использования термина «революция», на выявлении того, произошло ли в революционные годы существенное перемещение земельной собственности от лиц одного социального статуса к лицам другого. Отсутствие свидетельств масштабного перехода собственности от одних владельцев к другим преподносится как основание для сомнений в революционном характере событий 1640–1660 гг. По словам автора недавней значительной обобщающей работы о революционном периоде О. Вулрича, «после тщательных исследований по графствам, в местных архивохранилищах, в семейных архивах установлено, что перемещение недвижимости от одних владельцев к другим и изменения в составе пра-

вящего класса не были такими значительными, как предполагалось. Неуместное использование понятия «Английская революция» применительно к этому периоду игнорирует то, что за годы, называемые революционными, не произошло значительных социальных изменений. В середине XVII века действовали долговременные тенденции, развитие которых выходит за узкие рамки революционных лет» [Woolrych 2002, p. 794]. Но ведь эти долговременные тенденции как раз и состояли, среди прочего, в том, что открылись возможности для развития отношений частной собственности на буржуазной социальной основе. Это был небыстрый по темпам, но революционный по своим последствиям процесс. Тем не менее смотреть на эти явления под таким углом зрения многие современные британские историки не хотят. И сейчас заметны сдержанность, даже определенная предубежденность в отношении термина «революция» среди современных британских историков.

По мнению Э. Милтона, хотя практически все исследователи Английской революции считают, что религиозный фактор оказал большое влияние на политические события в Англии в правление первых Стюартов, среди историков сохраняются разногласия в том, как можно наиболее адекватно представить и понять религиозно-политическую ситуацию в стране накануне 1640 г. Особенно дискуссионным является вопрос о том, каким образом более ранние религиозно-политические конфликты, которые, несомненно, были значимыми, повлияли на события 1640–1642 гг. [Milton 1995, p. 12; Sharpe 1992; White 1992; Sommerville 1986, p. 221–224; Green 1991, p. 100–121; Davies 1992]. Стремление к детальному анализу происхождения Английской революции привело к тому, что при изучении революции середины XVII в. к настоящему времени историки, как правило, пишут о необходимости различать долговременные тенденции, непосредственные причины, но вместе с тем и поводы, «спусковые крючки», действие которых привело к началу столкновений между противоборствовавшими группировками.

В виде тенденций и предпосылок, которые, конечно же, не реализуются «гарантированно», основания революционных событий середины XVII в., несомненно, связаны с влиянием религиозной Реформации. Переход к реформированной религии в Англии XVI в. повлек за собой активизацию общественно-политической жизни и рост политического влияния парламента. Разорвавший церковно-административные связи с Римом в 1534 г., король Генрих VIII (1509–1547) провел это решение именно через парламент: сама королевская власть допустила депутатов парламента к решению важнейших политических и религиозных вопросов. В последующее время отбить у депутатов парламента желание обращаться к обсуждению этой проблематики оказалось уже невозможно. К тому же в своем влиянии на личность и общественную жизнь в реформационный период в истории Англии постепенное укоренение протестантизма вело к гораздо более активному участию более широкого круга людей в общественной и политической жизни.

Религиозно-политическая борьба в Англии во второй половине XVI — первые десятилетия XVII в. прошла ряд этапов, круг ее участников имел тенденцию к расширению. Еще организаторы движения за установление в Англии церковной организации по кальвинистскому женеvскому образцу (пресвитериане) в 1570–1580-е годы развернули первую целенаправленную идейную критику и организованный натиск на церковно-монархическое устройство системы управления в церкви Англии. Во взглядах английских пресвитериан присутствовали опасные

и подрывные по характеру идеи, которые воспринимались властями как политическая угроза. Главный идейный предводитель пресвитериан Т. Картрайт (1535–1603) ограничивал юрисдикцию монарха в религиозных делах тем, что повелевает делать в этой сфере Св. Писание [Scott Pearson 1928, p. 30]. Одним из выводов во взглядах радикальных пуритан (пресвитериан) было мнение, согласно которому в случае, если светская власть требует чего-то противоречащего воле Бога, этой власти не следует повиноваться [Brachlow 1988, p. 235]. Решающим вопросом для радикальных пуритан в их взаимоотношениях с государством фактически становился вопрос о том, кто будет определять, правы они или же прав монарх в истолковании Св. Писания. Пресвитериане склонялись к тому, что определение правой стороны в случае спора, безусловно, принадлежало церкви, так что магистрат, светская власть оказывались подчиненными руководству пресвитерианских общин [Scott Pearson 1928, p. 75; Brachlow 1988, p. 237–238].

Можно утверждать, что в Англии первых десятилетий XVII в. в течение долгого времени уже существовала религиозная и социальная напряженность, хотя нельзя сказать, что эта напряженность неизбежно вела к тому конфликту, который разразился в 1642 г.: продвижение развития событий к гражданской войне было сложным, противоречивым, колеблющимся. Но еще до начала военных действий ощущалось религиозно-культурное противостояние будущих партий. После гражданской войны известный пуританский богослов Ричард Бакстер (1615–1691) вспоминал, что «война началась на улицах еще до того, как у короля и парламента появились армии». Пуритане обращались к окружающим в такой манере, что это провоцировало социальное напряжение. Религиозный характер противостояния парламентской и роялистской партий, как считал известный историк пуританизма П. Коллинсон (1929–2011), виден и в том, как их представители называли друг друга: споры постоянно переводились в религиозно-моральный формат. В отношении роялистов и тех, кто им симпатизировал, представители парламентской группировки использовали слово «злые», в то время как в адрес убежденных сторонников парламента употреблялось слово «честные» [Collinson 1988, p. 134–136, 143, 146].

Пуританизм в конце XVI в. в своей временно ставшей более спокойной по внешним проявлениям фазе, наступившей с 1590-х годов после разгрома пресвитерианского движения, как и ранее, стимулировал гражданскую активность у тех, кто воспринял пуританские идеи [Lake 1982, p. 805–825]. Гражданская активность пуритан питалась необходимостью достичь исправления нравов в обществе, пресечения деятельности католиков-«папистов», что заставляло пуритан воздействовать на органы местной и центральной власти, в определенной мере также сталкивая пуритан с властью. В то же время пуританские убеждения стали оказывать влияние на взгляды и действия самих представителей местной власти [Cliffe 1984; Hunt 1983].

Новая политическая активизация пуритан в начале 1620-х годов — выступления против испанского брака принца Карла (будущего короля Карла I Стюарта), против принудительного займа, далее против режима беспарламентского правления Карла I (1629–1640) — была вполне органично связана с влиянием присущих пуританизму мировоззренческих и поведенческих установок. После разгрома пресвитерианского движения на рубеже 1580–1590-х годов к тому же отпали поводы

для преследования пуритан со стороны церковных властей, и это даже принесло пользу делу распространения пуританизма. Епископы зачастую не хотели портить отношения с пуритански настроенным джентри в своих епархиях, так что пуританизм продолжал укореняться в стране [Lake 1988, p. 242].

По реакции на действия английских монархов со стороны населения страны, все более осознанно воспринимавшего протестантизм, можно убедиться, что религиозные проблемы стали иначе осознаваться в обществе. Если в XVI в. монархи могли менять религию в стране, по сути дела, повелением, по своему усмотрению — не без протестов, но без крупных волнений, то король Яков I Стюарт (1603–1625) уже оказался не в состоянии даже спокойно устроить брак своего сына Карла с испанской инфантой, католичкой Марией-Анной без того, чтобы не вызвать волну возмущения среди английских протестантов [Conflict in Early Stuart England 1989, p. 87]. Религиозная проблематика занимала большое место в сознании англичан в первые десятилетия XVII в. Заседания парламентов в конце XVI — первые десятилетия XVII в., как писали современники, начинались так, что «всегда первый предлагаемый законопроект был или против папистов, или за какие-нибудь улучшения в церкви, например, за лучшее соблюдение воскресного дня» [The Court of King James 1839, p. 86]. Изменения, предлагавшиеся в религиозной сфере, часто выражали именно пуританские по происхождению идеи. К 1620-м годам пуританизм стал вполне уважаемым, пустил глубокие корни в общественной жизни, и сторонники пуританизма, сами пуритане входили в городскую верхушку во многих городах. Постоянная озабоченность необходимостью борьбы с католицизмом отличала не только духовных лиц, но была характерна также для депутатов парламента, мировых судей в графствах [Fincham 1988, p. 34–64]. В первые десятилетия XVII в. в отличие от пресвитерианского движения 1570–1580-х годов, покушавшегося на королевскую супрематию в церкви Англии, жило и действовало, конечно, уже другое поколение пуритан. Но, думается, не следует разрывать идейную связь и преемственность в английском пресвитерианстве второй половины XVI — первых десятилетий XVII в. Пресвитериане, проявившие себя в революционные десятилетия XVII в., не были идейным новообразованием. Индепенденты революционных лет тоже были связаны с соответствующими идейными движениями 1570–1580-х годов: сепаратистами, как их называли в те годы.

Исследования религиозно-политической ситуации в Англии в первые десятилетия XVII в. на региональных материалах позволяют подкрепить версию о длительном формировании предпосылок конфликта. По мнению Ж.Илз, историки-ревизионисты в оценке причин гражданской войны ошибочно преуменьшили влияние установившихся еще в начальный период правления Якова I различий в понимании политических и церковных вопросов между противоборствовавшими сторонами, сосредоточив преимущественное внимание на событиях правления Карла I и утверждая, что джентри в графствах было озабочено главным образом местными делами, а не политикой, проводимой центральной властью. На примере исследования истории семьи Харлеев из Герефордшира Ж.Илз утверждает, что конкурирующие религиозно-политические идеологии явно формировались в Англии еще с начала XVII в. Существование роялистской и парламентской партий, а также выбор отдельными лицами того, на чьей они стороне, — явления, признаки которых можно обнаружить задолго до того, как начались военные действия гражданской войны [Eales 1990].

Рубежом, после которого в церкви Англии стала обостряться ситуация, исследователи считают первые годы правления Карла I Стюарта [Collinson 1982, p. 282; White 1993, p. 211–230]. Именно восхождение к власти в конце 1620-х годов группировки Уильяма Лода вновь побудило внешне сравнительно спокойных к этому времени пуритан к активизации политической деятельности. Но при этом политическая деятельность пуритан была оборонительной по своему характеру. Умеренное епископальное кальвинистское большинство в церкви вместе с пуританами выступило против деятельности группировки Лода [Tyaske 1973, p. 119–143; 1987; Russell 1979]. Некоторыми внешними чертами своей церковной практики, особенно стремлением к возрождению церемониализма в церковной службе, представители лодианской группировки вызывали у пуритан опасения, не происходит ли процесс рекатолизации церкви, а Лод и его окружение являются криптокатоликами. Лодианство было агрессивным конформистским, отстаивавшим иерархию, таинства, церемониал, укрепление положения духовенства, и в этих чертах протестанты видели признаки попыток возвращения к «папизму». Лода и представителей его группировки современники также необоснованно обвиняли в арминианстве. После того как Лод стал архиепископом Кентерберийским, он стремился также к тому, чтобы церковь Англии приобрела более отчетливую собственную идентичность, перестала в такой степени, как это было раньше, преклоняться перед авторитетом континентальных религиозных реформаторов, стала самой собой, именно церковью Англии.

Как считает М. Тодд, на понимание происходившего в прошлом можно попытаться выйти, если вникнуть в то, что об этом рассказывали современники [Todd 1995, p. 563–579]. Поэтому в изучении истории церкви Англии может иметь меньшее значение обсуждение вопроса о том, существовала ли в ней в 1630-е годы арминианская группировка, пытавшаяся подорвать кальвинистскую ортодоксию, чем вопрос о существовании у современников веры в то, что такая группировка действительно существовала. Если противники Лода были убеждены, что внедрением церемониальности в церковную жизнь Лод хочет разрушить протестантскую церковь в Англии, утрачивало значение то, что на самом деле собирался сделать Лод. Воображаемое активно влияло на складывавшуюся ситуацию и практические действия. Современные историки, как пишет М. Тодд, могут и не видеть в 1630-е годы существования сплоченной арминианской группировки, но ее видели кальвинисты в Кембриджском университете, обращая внимание, что в университете участились случаи антикальвинистских выступлений. Исследовательница также выявила, что кальвинисты-антиарминиане составляли в Кембридже чуть менее половины глав колледжей и это не давало им возможности решительно осудить выступления антикальвинистов. Вместе с тем, по ее мнению, в Кембридже существовала и подлинная, не мнимая арминианская группа. Следовательно, как считает М. Тодд, в 1630-е годы в церкви Англии все же можно установить существование противостоявших друг другу групп, называть ли их кальвинистами и арминианами, пуританами и «церемониалистами», контрремонстрантами и ремонстрантами. Эта характеристика явно точнее отражает положение в церкви, чем рассуждения о существовании кальвинистского «богословского консенсуса», «практической терпимости», о которых писали Н. Тайэк и П. Лейк [Tyaske 1987; Lake 1987, p. 32–76]. Неудивительно, что Долгий парламент в качестве одной из первых мер принял решение о создании

комиссии по расследованию религиозных злоупотреблений в университетах. Поэтому для М. Тодд ясны причины гражданской войны в Англии: противостоявшие в церкви в 1630-е годы группировки стали в 1640-е годы пуританами и роялистами.

Согласно пуританскому взгляду, королевская власть и государственная церковь должны были защищать реформированную религию от католической угрозы. Если установленная церковь не выполняла должным образом свою роль, она была хуже, чем неудовлетворительной, — церковь представлялась даже подрывающей общественный порядок. Отсюда делался вывод, что беспорядок в обществе происходил из беспорядка в церкви. Пуритане уже частично достигли своих целей в правление Якова I, внедрив такое понимание общественной жизни в сознание многих лиц, имевших достаточно высокий статус и влияние в обществе. Поэтому, когда в правление Карла I этот порядок подвергся угрозе, реакция пуритан была консервативной и оборонительной по характеру, но настойчивой. Тем не менее следует иметь в виду, что даже выглядевшие как сопротивление королевской власти действия пуритан парламентской группировки были побуждаемы специфическими мотивами. Движущей силой в деятельности пуритан даже во время революции, утверждал П. Коллинсон, «был не дух неподчинения или неприязни к власти, а глубокое уважение к порядку и необходимости подчинения Богу и его земным представителям, чтобы, в свою очередь, сами пуритане могли требовать подчинения со стороны социальных низов» [Collinson 1982, p. 284]. Эти действия ни в коем случае не были сознательной революционностью. П. Коллинсон в понимании характера деятельности пуритан вел цитатную полемику с известным британским историком-марксистом К. Хиллом (1912–2003): «...Набожные пуритане представляли государство как улучшенный и возрожденный старый мир, а не как “мир, перевернутый вверх дном”» (это название одной из работ К. Хилла об Английской революции) [Collinson 1982, p. 151–153, 179].

К. Хилл утверждал, что логика протестантизма вела к утверждению эгалитарного индивидуализма, и цитировал «Историю мятежа» Эдуарда Хайда, графа Кларендона (1609–1674), жаловавшегося, что иерархия и нормы поведения в обществе были подорваны несколькими религиозными сектами, которые осуждали все формы почтительности и уважения как остатки и признаки суеверия [Hill 1967, p. 477]. П. Коллинсон полагал, что с этим можно согласиться, если речь идет о влиянии сект периода гражданской войны, но отказывался присоединиться к мнению о том, что в предреволюционные десятилетия XVII в. под влиянием пуританизма разрушались понятия о социальной иерархии. Он приводил примеры, когда в приходах, где проповедниками были пресловутые, всем известные пуритане, места для сидения в церкви располагались в соответствии с социальной иерархией. Кальвинизм в первые десятилетия XVII в. был антисектантским, противостоял эгалитаризму, и специальные места для сидения в церкви были своего рода видимой репрезентацией социального порядка, так что представления о революционности и подрывном характере ортодоксального кальвинизма не могут быть приняты без оговорок. П. Коллинсон всячески подчеркивал, что набожный магистрат и пуританское священство были консервативными силами, по его словам, «лишь неестественно превратившись у историков в силу, выступавшую за революционные изменения». Последующие историки понимали, что в середине XVII столетия в Англии произошла революция, и пытались понять ее причины, обращая внимание на те компоненты

мировоззрения пуритан, которые представлялись способными нарушить социальную стабильность. Протестантская религия в своей наиболее ревностной, интернализированной форме, по оценке Коллинсона, никогда не была безоговорочно демократичной. Исследователи демонстрируют, как противоречиво сочетались в пуританизме консервативные и потенциально революционные черты. С одной стороны, пуританизм подрывал иерархическую концепцию общества, опираясь на кальвинистскую идею предопределения, но, с другой стороны, тем самым создавалась новая социальная градация, видимой репрезентацией которой как раз и было распределение мест в церкви в соответствии с заслугами и ролью в жизни прихода наиболее уважаемых прихожан [Collinson 1982, p. 188–191]. Историки отмечали, что выход на первый план в пуританизме тех идей, которые подрывали общественную иерархию, и уменьшение значения консервативных элементов пуританского мировоззрения требуют объяснения. У. Ламонт связывал усиление революционных настроений в пуританской среде с влиянием миллениаризма, характерного для сепаратистских сект, и эта черта, на его взгляд, стала проявляться лишь в предреволюционные годы [Lamont 1969, p. 133–146].

Характерной чертой пуритан историки считают также их заряженность на борьбу за свои идеи. По словам У. Ханта, «отсутствие борьбы было для пуритан даже очень плохим знаком», так как избранные никогда не смогут примириться с положением дел в этом несовершенном мире [Hunt 1983, p. 154]. П. Коллинсон упоминал также о такой характерной черте пуритан, как хождение из прихода в приход с целью послушать более квалифицированную и наставительную проповедь. В пуританской среде считалось, что в воскресенье, если в своем приходе есть хорошо проповедующий священник, проповедь слушать надо по месту жительства, а в остальные дни недели не возбранялось ходить и в другие приходы. Коллинсон утверждал, что такая свободная форма религиозности, которая утвердилась в Англии во второй половине XVI — начале XVII в., была выдающейся отличительной чертой реформированной церкви Англии: нигде больше в Европе раннего Нового времени в рамках легально установленной церкви не образовывались такие многочисленные группы на основе спонтанного личностного согласия в религиозных верованиях, а не под чьим-либо принуждением. Формировался неконформистский тип личности, готовый на основе индивидуального выбора защищать свои религиозные взгляды, а при обострении отношений с властью — и свои политические позиции [Collinson 1982, p. 247].

В кальвинизме осуждалось «поклонение Богу по своему усмотрению». П. Коллинсон обращал внимание прежде всего на дисциплинирующее влияние кальвинистской практики и ссылаясь в толковании этих черт пуританского мировоззрения на содержание опубликованных исследователями дневников [Two Elizabethan Puritan Diaries 1933; The Diary of Ralph Josselin 1976]. Он отстаивал мнение, согласно которому сектантство не было логически необходимым продуктом развития кальвинизма, хотя пуритане имели обыкновение собираться в частных домах для занятий и чтения Писания, духовной литературы, и это могло способствовать созданию конгрегационалистских общин. Пуритане составляли сообщество, которое ментально и эмоционально было отделено своим радикальным отчуждением от остального обычного общества, питая представление о собственной исключительности. Под влиянием пуританского мировоззрения, признавал П. Коллинсон, в по-

следующее время появились на свет рантеры, сикеры и квакеры, но разворачиванию этих волюнтаристских группировок в истории английской Реформации особенно благоприятствовали необычные революционные обстоятельства 1640–1660 гг. Такое развитие событий и тот оборот, который религиозная история Англии приняла в период гражданской войны, Коллинсон не считал предзаданным и внутренне присущим кальвинизму [Collinson 1982, p. 249–250].

С кальвинистской точки зрения, вся человеческая природа была полностью испорчена, и в свете этого различия в общественном статусе падших людей не могли служить естественным основанием для поддержания сложившейся социальной иерархии. Носители властных полномочий, как и все люди, испорченные первоначальным грехом, тоже злы. При этом кальвинизм подчеркивал особую ответственность, которая лежит на избранных. В результате вместо того, чтобы признавать естественные семейные связи, приверженность локальным иерархиям в обществе, пуритане пришли к мысли, что общественная жизнь должна строиться на основе создания сообществ договорного типа, в которые человек входит и из которых выходит по своему усмотрению. Восприятию этих идей способствовал социальный фон этого времени: время формирования пуританизма было периодом быстрых социальных изменений — роста городов, разрушения сельских сообществ, увеличения численности людей, не имевших ни занятий, ни хозяина. Усложнялась также и жизнь джентри, йоменов. Кальвинистское учение о предопределении давало тем, кто его воспринял, такую уверенность, веру в себя, которые другим путем формировавшемуся в этот исторический период среднему классу было приобрести трудно. Кальвинизм также проповедовал необходимость коллективной дисциплины, которую должны были установить набожные представители магистрата, которыми двигало желание помочь реализовать божественные цели и утвердить общественное благо. Но при этом пуритане, относившиеся к социальной верхушке, выступали, по мнению М. Уолзера, за то, что можно назвать улучшением (*amelioration*) социального строя, а не за его резкое изменение с разрушением существовавших в обществе иерархических порядков [Walzer 1965, p. 62, 118].

Пуританские священники, в своем внутреннем представлении, боролись с грехами в общественной жизни, но если перевести их идеи на язык современного социального историка, грех был синонимом дестабилизации в обществе, когда в раннее Новое время, особенно в городах, приходили в упадок ремесла, уменьшались доходы, росло число бедных. При этом прегрешения морального характера в среде горожан и джентри в ситуации социально-экономической напряженности и психологического стресса могли острее восприниматься и сильнее осуждаться [Collinson 1982, p. 151].

В начале XVII в. у английских протестантов развились предрасположенность видеть происходящее в понятиях бинарной оппозиции, стремление видеть во всем происходящем в обществе борьбу добра и зла. Как отмечает Э. Милтон, для пуританизма было характерно поляризованное мировосприятие, готовность придавать провиденциальное и пророческое значение конфликтам в мирской жизни. Истинная церковь в земной жизни всегда должна была находиться в состоянии перманентной войны с силами тьмы, поэтому конфликт с Римско-католической церковью был неизбежен, его следовало поощрять. Мирное состояние церкви в земных условиях было, с пуританской точки зрения, невозможным. Такие идеи в начале

XVII в. разделяли также многие конформисты [Milton 1995, p. 35–36; Lake 1980, p. 161–178].

Пуритане встали на сторону парламента в гражданской войне не потому, что хотели изменить политическое устройство страны, они хотели защитить истинную религию, и гражданская война была в этом смысле религиозной. Именно накал религиозного чувства сильно способствовал тому, что парламент смог начать войну, потому что сугубо политические проблемы все же могли обсуждаться и решаться в форме дискуссий. Религиозная же оппозиция отличалась от других форм оппозиции гораздо большей страстью и крайностями в риторике [Collinson 1988, p. 133, 147–148]. Религиозный фактор был очень действенным и ускорил ход событий, которые могли не произойти без его влияния, поскольку существовавшие нормы поведения и политические условности оказывали сдерживающее влияние. Религиозный фактор связал в единое целое социальные элементы, которые были очень разными, за исключением того, что они разделяли общие религиозные ценности. Религия даже легитимировала такие действия, которые в ином случае расценивались бы как незаконные и насильственные. Применительно к данной ситуации — происхождения революции, гражданской войны в Англии — действие религиозного фактора могло ускорять событие, содержание которого не сводилось к чему-то религиозному. Под действием этого фактора в Англии началась гражданская война, несмотря на то что большая часть политически активной нации в Англии накануне начала военных действий в соответствии с естественными человеческими наклонностями была предрасположена, скорее, к нейтралитету. Именно под влиянием религиозных причин англичане, принадлежащие к обеим конфликтовавшим группировкам, взялись за оружие. Пуритане при этом опасались папистского заговора, а роялисты — пуританского мятежа. Такое объяснение помогало современникам понять, почему острота противостояния довела страну до гражданской войны [Fletcher 1981, p. 409–419; Morrill 1984, p. 155–178; 1985, p. 105–124; Russell 1990, p. 109–130, 220–226; 1991, p. 525–532].

Есть основания утверждать, что распространение протестантизма в Англии было также стадией в развитии английского патриотизма. Католицизм был для англичан инородным, иностранным явлением, подразумевавшим подчинение папе и признание его права на отлучение от церкви и низложение с престола христианских монархов. В массовом сознании представление об опасности католицизма сохранялось в Англии в течение всего XVII в. и даже много позднее, будучи заметным в массовом сознании даже в первой трети XIX в. С начала XVII в. в Англии нарастали внутривнутриполитические трудности, и англичане искали этому объяснение, прибегая в том числе и к упоминанию о происках католиков. На помощь приходил призрак папизма и католического заговора, так что английская политическая система и церковь Англии в этом случае оказывались невинными в этих трудностях [Conflict in Early Stuart England 1989, p. 79]. Действия католиков протестантское сознание помещало в эсхатологическую перспективу, что объясняло ужасную нечеловеческую силу и привлекательность католицизма, поскольку католицизм отождествлялся в этих рассуждениях с Антихристом, но в то же время подчеркивалось, что в перспективе Антихрист падет и Евангелие восторжествует. Конфликтовавшие группировки представляли своих противников как выразителей интересов внешних, неанглийских сил (католиков как марионеток «папистов», пуритан

как выразителей интересов интернационального протестантизма), вторгающихся в существующую систему управления с целью ее подрыва. Такое мышление давало возможность обеим противоборствующим сторонам представлять именно себя как защитников английской политической системы [Lake 1980, p. 161–178; 1985, p. 570–589].

Как писал о гражданской войне в Англии Дж. Морилл, «это была не первая европейская революция, а последняя религиозная война в Европе, вызванная деятельностью небольшой группы протестантских экстремистов, которые стремились к дальнейшему развитию Реформации в Англии в направлении, которое, как они считали, в наибольшей степени соответствовало божественным повелениям» [Morrill 1985, p. 155–178]. Дж. Морилл и Э. Флетчер полагают, что только конфликт глубоко укоренившихся религиозных убеждений мог породить раскол 1642 г. и дать толчок гражданской войне. Они считают, что все основные проблемы Карла I были связаны с религиозной сферой. В 1630-е годы недовольство проявлялось наиболее сильно в отношении королевских мероприятий в церковной политике, и, несмотря на все фракционные, функциональные, местные проблемы и личные столкновения, осложнявшие политическую жизнь, именно религиозные вопросы были основой того краха, который потерпел режим Карла I в 1640 г. [Morrill 1985, p. 105–124; Fletcher 1981; Tapsell, Taylor 2013].

На развязывание гражданской войны, считают Р. Каст и Э. Хьюз, повлияли также и некоторые личные качества Карла I: стремление к достижению абсолютного повиновения со стороны подданных, почти полное отсутствие навыков повседневной политической деятельности с необходимым умением достижения компромисса, неискренность и нечестность, которые разрушали доверие к нему. Религиозные пристрастия и наклонности Карла I, по их мнению, тоже оказали непосредственное влияние на произошедший в английском обществе раскол. В предреволюционной Англии приверженность протестантизму стала уже практически отождествляться со стремлением к установлению в обществе норм, связанных с соблюдением права собственности, отстаиванием права парламента на его постоянное участие в политической жизни страны. Судя по тому, что против Карла I была начата военно-политическая борьба, сторонники парламента уже не считали короля защитником протестантской религии в стране, в результате чего первоначальные антипапистские настроения сторонников парламента смогли затем трансформироваться даже в антимонархические действия, приведшие к казни Карла I [Conflict in Early Stuart England 1989, p. 37–39].

По мнению Л. Стоуна, пуританизм обеспечил в ходе Английской революции середины XVII в. чувство уверенности в правильности дела, за которое стояла оппозиция, помогал построить теоретическое оправдание вызова существовавшим порядкам. Властям, считает Л. Стоун, трудно было иметь дело с людьми, под влиянием кальвинизма начинавшими свои завещания с утверждений о своем моральном превосходстве над теми, кто не принадлежал к «истинно верующим» и «избранным». В связи с этим распространение и поддержка арминианства при Карле I, считал Стоун, имели политические причины, которые были ясны для современников: арминианство ослабляло кальвинистскую теорию предопределения и ту уверенность в своей правоте, которая была характерна для пуритан. Пуритане, заключал Стоун, могли быть консервативными в большинстве своих идей, но их

стремление к строительству «Города на холме», Нового Иерусалима, могло быть мощным стимулом к радикальным изменениям [Stone 1972, p. 100–101].

Л. Стоун отмечает еще один момент в характеристике пуританизма — вызревание конфликта между стремлением пресвитерианских священников быть руководящей моральной инстанцией в обществе и авторитетом их светских патронов, но этот конфликт открыто не проявил себя до 1640-х годов, когда был ликвидирован епископат. Пуританизм среди джентри, считал Л. Стоун, распространяли пуритански настроенные преподаватели университетов [Stone 1972, p. 99–100]. Как показали историки пуританизма, пуританские священники отнюдь не становились автоматически выразителями интересов тех светских лиц, от которых зависело их назначение в приходы, — пуритане часто бичевали пороки, невзирая на лица. По словам П. Мак-Грата, «пуританское духовенство поставляло идеи и движущую силу пуританизма, и, хотя они опирались на поддержку светских патронов, они никогда не оказывались у них в кармане» [McGrath 1967, p. 382; Collinson 1982, p. 96].

При анализе причин обострения ситуации в церковной сфере в предреволюционное десятилетие Дж. Дейвис предлагает применительно к церковной политике архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода ввести в оборот понятие «каролинианство» и вспомогательное по отношению к нему, менее важное понятие «лодианство». Использование понятия «лодианство» для описания тех церковных новаций, которые произошли в правление Карла I, ранее всегда создавало впечатление, что у этих новшеств был лишь внутрицерковный источник, в то время как Дж. Дейвис считает, что религиозная политика Лода в конечном счете опиралась на волю Карла I [Davies 1992].

Каролинианство, как пишет Дж. Дейвис, представляло собой «политику Карла I по реализации сугубо личного понятия о священном достоинстве королевской власти с использованием своей прерогативы как Верховного правителя церкви» [Davies 1992, p. 2]. Хотя королевское верховенство в церкви никем из протестантов не ставилось под сомнение, новшества в церковной сфере времен правления Карла I стали восприниматься как угроза существовавшему церковно-политическому строю. Дж. Дейвис исходит из предпосылки, что появление той оппозиции, которая противостояла режиму Стюартов в 1630–1640-е годы, может быть объяснено действием идеологических факторов, и не отрицает значение либерального истолкования происхождения гражданской войны в Англии. Он также считает, что не следует, как это делают ревизионисты, применительно к XVII в. рассматривать отдельно вопросы религии и политики, при этом он полагает, что религиозно-политическая дихотомия не может быть приравнена к оппозиции духовного и светского в общественной жизни. Дж. Дейвис, полемизируя с ревизионистами, считает, что крупнейшая конституционная проблема в отношениях между короной и оппозицией в 1630-е годы не была просто лишь функциональной проблемой управления, и выдвигает мнение о том, что идеологические споры и конфликты по конституционным вопросам тоже развернулись из-за каролинианства [Davies 1992, p. 2].

Карлу I не нравились индивидуалистические и неконформистские черты пуританизма, и таким отношением король маргинализировал пуритан: возросло число неконформистов, оживились пресвитериане, и религиозные причины, несомненно, способствовали росту эмиграции в Нидерланды, Америку и даже в Шотландию, причем уезжали не только религиозные экстремисты. Карл I ослож-

нил положение в церкви по сравнению со временем правления Якова I жестким пресечением разговоров о двойном предопределении, фактическим осуждением почитания воскресного дня, восприятием пуритан как врагов и навешиванием на них ярлыков, прохладным отношением к европейским реформированным церквям. При Карле I пресекались дискуссии в церкви и пропагандировалось представление о свящнности особы короля. Парламентская оппозиция критиковала всю религиозную политику Карла I после 1625 г. [Davies 1992, p. 1–3, 304–305].

Следует отметить, что «спусковые крючки», давшие стимул обострению ситуации в Англии в конце 1630-х годов, непосредственно накануне революционных событий, тоже были религиозными по характеру. Крайне обострилась ситуация в стране после начала войны с шотландцами в 1638 г., которая была спровоцирована намерением королевской власти ввести молитвенник церкви Англии в Шотландии, где доминировали пресвитериане, уже установившие в церковной жизни свои ритуалы и обрядность. Нарастала напряженность в религиозной сфере и в самой Англии. Современники накануне 1640 г. видели свидетельства папистского заговора в церемониальных изменениях. Самыми важными изменениями были установка стола для причастия в восточной части церковного здания по оси алтаря и возведение перил, чтобы отделить стол для причастия от остальной части внутреннего пространства церкви, попытки причащать прихожан у этих перил. Перила в церкви стали устанавливаться по образцу королевских часовен, оформленных влиятельным церковным деятелем Ланселотом Эндрюсом (1555–1626), который утверждал, что таковы были распорядки в первые века христианства [Davies 1992, p. 205, 209].

Конвокация церкви Англии как орган, непосредственно управлявший церковными делами при верховном руководстве монарха, в 1640 г. приняла 17 канонов, которые были крайне новаторскими, провокационными для пуритан. Каноны закрепляли вызывавшие недовольство в стране церемониальные новшества 1630-х годов. Епископ или другие должностные лица могли теперь устанавливать стол для причастия так, как они хотели; были признаны ограждения столов для причастия; предполагалось, что отлучения, штрафы и другие наказания должны были налагаться на основе полномочий, предоставленных самим епископом светскому лицу, или же самим епископом. Карл I 30 июня 1640 г. окончательно утвердил Каноны, принятые на конвокации единогласным решением.

В 1641 г., по мере обострения ситуации в стране, парламент выдвинул против епископов за принятие этих Канонов, не нападая пока что на короля, обвинение в нарушении полномочий монарха как главы церкви Англии. Удар парламентской оппозиции обрушился первоначально на казненного 12 мая 1641 г. Томаса Вентворта, графа Страффорда (1593–1641), на шатких правовых основаниях обвиненного в государственной измене. Церковные иерархи стали следующей мишенью парламентской оппозиции. 4 августа 1641 г. 13 епископов, подписавших Каноны, были осуждены парламентом, король же стал лицемерно утверждать, что конвокация сама приняла Каноны без его распоряжений [Davies 1992, p. 256–261, 270–274]. Противостояние сторонников парламента и короля стало приобретать все большую интенсивность при характерном для этих событий тесном переплетении политических и религиозных споров. После казни Уильяма Лода, которого в 1641–1645 гг. содержали под стражей, парламентским решением 9 октября 1646 г. был упразднен епископат церкви Англии, было запрещено использование Книги

общей молитвы. Церковными делами в Англии в революционные годы руководила созданная парламентом в 1643 г. пресвитерианская по характеру Вестминстерская ассамблея. Реставрация Стюартов в 1660 г. повлекла за собой и восстановление епископата. В этой событийной линии, как думается, наглядно видно теснейшее переплетение религиозных и политических вопросов в годы Английской революции, а также роль религиозного фактора в происхождении революции.

Литература / References

- Brachlow S. *The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625*. Oxford, Oxford University Press, 1988, X, 293 p.
- Cliffe J. T. *The Puritan Gentry: The Great Puritan Families of Stuart England*. London, Routledge & Kegan Paul, 1984, 300 p.
- Collinson P. *The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York, St. Martin's Press, 1988, XIII, 188 p.
- Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559–1625*. New York, Oxford University Press, 1982, 296 p.
- Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603–1642*. Eds R. Cust, A. Hughes. London; New York, Longman, 1989, IX, 271 p.
- Davies J. *The Caroline Captivity of the English Church: Charles I and the Remoulding of Anglicanism, 1625–1641*. Oxford, Clarendon Press, 1992, XIX, 400 p.
- Eales J. *Puritans and Roundheads: The Harleys of Brampton Bryan and the Outbreak of the English Civil War*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1990, 325 p.
- Fincham K. Prelacy and Politics: Archbishop Abbot's Defence of Protestant Orthodoxy. *Historical Research*, 1988, volume 61, issue 144, pp. 34–64.
- Fletcher A. J. *The Outbreak of the English Civil War*. London, Edward Arnold, 1981, 446 p.
- Green I. M. "England's Wars of Religion?" Religious Conflict and the English Civil Wars. *Church, Change and Revolution*. Eds. J. Berg, P. G. van den Hoftijzer. Leiden, Brill, 1991, pp. 100–121.
- Grey J. *Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the Close of the Modern Age*. London; New York, Routledge, 2007, XVIII, 302 p.
- Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. New York, Schocken Books, 1967, 520 p.
- Hunt W. *The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1983, 365 p.
- Lake P. *Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker*. London, Unwin and Hyman, 1988, 262 p.
- Lake P. Calvinism and the English Church 1570–1635. *Past & Present*, 1987, Issue 114, pp. 32–76.
- Lake P. Constitutional Consensus and Puritan Opposition in the 1620s: Thomas Scott and the Spanish Match. *Historical Journal*, 1982, volume 25, issue 4, pp. 805–825.
- Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist. *Journal of Ecclesiastical History*, 1980, volume 31, issue 2, pp. 161–178.
- Lake P. William Bradshaw, Antichrist and the Community of the Godly. *Journal of Ecclesiastical History*, 1985, volume 36, issue 4, pp. 570–589.
- Lamont W. M. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts. *Past & Present*. 1969, issue 44, pp. 133–146.
- Laslett P. *The World We Have Lost Further Explored*. 3rd ed. New York, Routledge, 1984, VIII, 353 p.
- McGrath P. *Papists and Puritans under Elizabeth I*. London, Blandford Press, 1967, 434 p.
- Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, XVI, 599 p.
- Morrill J. S. The Attack on the Church of England in the Long Parliament, 1640–42. *History, Society and the Churches*. Eds. D. Beales, G. Best. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, pp. 105–124.
- Morrill J. S. The Religious Context of the English Civil War. *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th Series, 1984, volume 34, pp. 155–178.
- Russell C. *Parliaments and English Politics, 1621–1629*. Oxford, Clarendon Press, 1979, 476 p.
- Russell C. *The Causes of the English Civil War*. Oxford, Clarendon Press, 1990, 236 p.
- Russell C. *The Fall of the British Monarchies*. Oxford, Oxford University Press, 1991, XIX, 550 p.

- Schwoerer L. G. *The Revolution of 1688–89: Changing Perspectives*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 312 p.
- Scott Pearson A. F. *Church and State: Political Aspects of Sixteenth Century Puritanism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1928, IX, 153 p.
- Sharpe K. *The Personal Rule of Charles I*. New Haven; London, Yale University Press, 1992, XXIII, 983 p.
- Sommerville J. P. *Politics and Ideology in England, 1603–1640*. London; New York, Longman, 1986, 254 p.
- Stone L. *The Causes of English Revolution, 1529–1642*. London, Routledge & Kegan Paul, 1972, XIV, 168 p.
- The Cambridge Companion to Puritanism*. Eds John Coffey, Paul C. H. Lim. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. XI, 371 p.
- The Court of King James The First, by Godfrey Goodman*. Ed. by J. S. Brewer. Volume I. London, Richard Bentley, 1839, 421 p.
- The Diary of Ralph Josselin 1616–1683*. Ed. by Alan Macfarlane. Oxford, Oxford University Press for the British Academy, 1976, XXV, 727 p.
- The Nature of English Revolution Revisited: Essays in Honour of John Morrill*. Eds. G. Tapsell, S. Tapsell. Woodbridge, Suffolk (UK), Boydell Press, 2013, XI, 298 p.
- Todd M. “All One with Tom Thumb”: Arminianism, Popery and the Story of the Reformation in Early Stuart Cambridge. *Church History*, 1995, volume 64, issue 4, pp. 563–579.
- Trevor-Roper H. *Archbishop Laud, 1573–1645*. 3rd ed. London, Palgrave Macmillan, 1988, XV, 464 p.
- Two Elizabethan Puritan Diaries by Richard Rogers and Samuel Ward*. Ed. by M. M. Knappen. American Society of Church History. Chicago, The American Society of Church History, 1933, 148 p.
- Tyacke N. *Anti-Calvinists. The Rise of English Arminianism c. 1590–1640*. New York, Clarendon Press; Oxford University Press, 1987, VIII, 305 p.
- Tyacke N. Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution. *The Origins of the English Civil War*. Ed. by C. Russell. London, Barnes & Noble Books, 1973, pp. 119–143.
- Walzer M. *The Revolution of the Saints. A Study in the Origins of Radical Politics*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1965, 334 p.
- White P. *Predestination, Policy and Polemic: Conflict and Consensus in the English Church from the Reformation to the Civil War*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, XIV, 336 p.
- White P. The Via Media of the Early Stuart Church. *The Early Stuart Church*. Ed. by K. Fincham. London, Macmillan, 1993, pp. 211–230.
- Woolrych A. *Britain in Revolution, 1625–1660*. Oxford, Oxford University Press, 2002, XI, 814 p.

Received: 20.02.2017

Accepted: 10.08.2017